

- Трофимку приставы взяли, - отвечал староста Трифон. А ребенок, ко всеобщему восхищению, жмурился от яркого света и, сжимая свои кулачки, усиленно двигал локтями. Было это около 1684 года.

Новая деревня

Новый житель в новопоселенной деревне помещика Василия Языкова, по преданию, появился в семье Трофима-кузнеца, и первый крест за оврагом поставлен его же семьей. Под тот крест положили Любашу. Скончалась она вскоре после родов. Место для могилы выбрал Пахом.

«Полянка знатная, на высоте лежит, - пояснил Пахом сородичам, - издалека видна. А под ней, в овраге соловьи гнездятся, птица разная живет. Не скучно Любаше будет с соловьями-то».

Собрались мужики и стали рядить: как быть с кузнецком, куда девать его. Думали-гадали и решили отдать мальчонку Пахома на воспитание, потому как все жители от мала до велика заняты домовым строением. Само-го Пахома и кузнецка решили кормить и блюсти по-очередно по тому порядку, как ставятся избы. Пахома наказали одножителю, чтоб растил он кузнецка благочестивым христорожденьем и по мере того, как будет он подрастать, давать ему какой-нибудь инструмент, чтоб к ремеслу приучался. Пахом в точности исполнил наказ деревенского схода, вырастил мальчонку умелым и работающим, а сам прожил до глубокой старости, пережив Трифона Краснобаева, Нестера Яковлева, Ивашку Таекина и других стариков. Умер Пахом в тот самый год, когда из уезда привезли в деревню государев указ о наложении податей за ношение бород. Сколько в тот год Пахома исполнилось лет, никто в Языкове не знал: 90, 100 ли, а может, все 120. Только рассказывали, будто он семейных царей пережил и одиннадцать помещиков.

Новопоселенная деревня росла медленно. Не один десяток лет стояла она на пригорке тридцатью избами и барским двором. Каменистая земля, почти сплошь состоящая из суглинков, давала низкие урожаи. С хлебом еле-еле сводили концы с концами. Позже присмотрелись к теньковским стрельцам. Те имели небольшие кирпичные производства, занимались валкой шляп и сапог, успешно выделывали гончарные изделия. Все это отвозилось в Уренский городок на базары и продавалось по сходной цене.

Языковские крестьяне тоже начали рыться в глине, делать кирпичи и черепицу, а женщины, сверх полевых работ стали пряхть лен и посконь, ткать холсты и сукна. Познакомились с рынком и зажили лучше.

Около ста лет Языково значилось деревней. В семидесятых годах восемнадцатого века была построена деревянная церковь, и стала деревня именоваться селом Богородское-Языково.

На безымянном ключе поставили мельницу, запрудили крестьяне речку Урень и соорудили вторую мельницу.

Более трех веков стоит Языково на берегах мелководной речки Урень. Через толщу лет, не всегда радостных и счастливых, дожили до нас потомки тех, кто совершил нелегкий путь из глухих лесов Владимирщины к широким просторам Приволжья и принес с собою необъятно великую любовь к труду, отвагу в борьбе и могучий раз-зум русского человека.

Языковы

Основатель села Языково дворянский сын Василий умер около 1693 года и оставил после себя многочисленное потомство — одних сыновей пять человек. Новопоселенной деревней владел старший сын Василия — Лаврентий, одно время служивший в городе Пензе. В 1713 году языковская вотчина значилась за поручиком Петром Лаврентьевичем. От Петра она перешла к сыну Василию, а Василий, в свою очередь, даровал имение Григорию, а тот оставил его сыну Петру.

Все Языковы слыли домовитыми хозяевами и «сидели» в уезде. Одни служили в войсках, другие — в приказах. Родительское наследие не проматывали, как это делали порой их соседи помещики Аристовы и Чуфаровы, а при любой возможности старались подкрепить его. Не один раз «челом били» великим государям и напоминали им, что бояре и дворяне Языковы происходят от знатного татарского князя Ингулая-Мурзы, который знатен тем, что доводился племянником хану Золотой Орды и еще в XII веке принял подданство московских великих князей, перешел в православную веру и дал начало большому роду Языковых. Они нижайше просили великих государей проявить о рабах своих «монаршую милость».

Государи были людьми добрыми и за усердие милостливо жаловали Языковых вотчинами, так что к концу восемнадцатого столетия во владении Языковых оказались: часть села Прислонихи (Каменный Брод), часть села Сущева, половина Копышевки, вся деревня Шиловка, часть Степной Сычевки — это в Симбирском уезде. Им же отданы во владение земли и крестьяне в селах Карсунского уезда: Куроедово, Криуши, Белый Ключ, Покровская Решетка.

Если принять во внимание близость Московского тракта и губернского города, то можно сказать, деревня находилась в хороших географических условиях. Языковы приложили немало усилий к тому, чтобы раздвинуть границы пожалованной дачи, постоянно скупая и выменивая у соседей пахотные земли, сенокосы, леса и пустоши. Ко второму Генеральному межеванию 1812 года земельная дача вокруг Языкова с 90 десятин увеличилась до 3774.

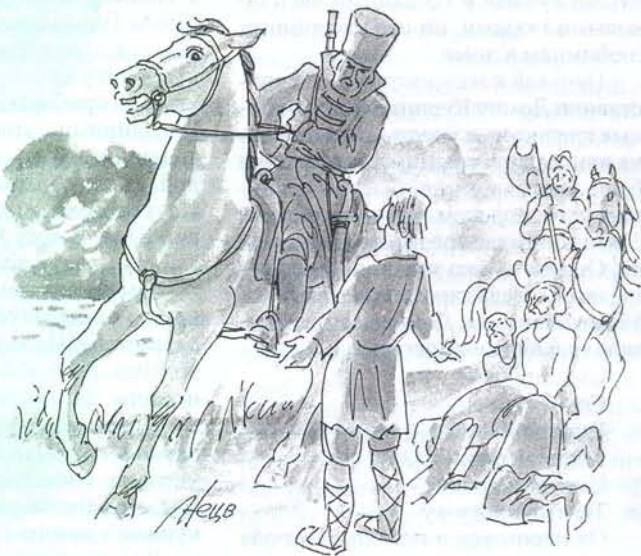

рис. Л. Нецветаева

Вессель

4 марта 1803 года, в первый солнечный по-весеннему день, выдавшийся после суровой и вьюжной зимы, в Симбирске на Спасской улице, в доме гвардейского прапорщика Михаила Языкова царил непривычная для хлебосольного хозяина тревога. Гостей не принимали. Прислуга ходила на цыпочках и говорила вполголоса. Дети, присмирив, сидели с няньками в угловой комнате, не смея появляться в гостиной. Лакеи и кучера неусыпно дежурили в прихожей, готовые в любую минуту броситься исполнять приказания. Сам Языков, высокий, крепкостроенный, в расстегнутом мундире ходил по кабинету, с тревогой прислушиваясь ко всему, что делалось в доме.

Ожидались роды хозяйки — барыни Екатерины Александровны. Нестерпимо медленно тянулось время. Михаил Петрович, опорожнив не одну бутылку пунша, докучал вопросами хожалок и получал один и тот же неутешительный ответ: еще нет. Наконец, приглашенный доктор Рихтер появился на пороге кабинета:

- Можете радоваться, ваше благородие: большой мальчик. Фунтов эдак на пятнадцать.

- А как роженница? Как здоровье Екатерины Александровны?

- Благополучно. Еще семерых барчуков может принести.

- Сын! Третий Сын! — загредел Языков и раскупорил новую бутылку.

Третьего сына назвали Николаем. Мальчик рос живым и веселым. Белокурый, с розовым личиком, толстыми губами и большими васильковыми глазами, он стал всеобщим любимцем в доме.

Нянькой к маленькому Коле приставили Домну Кушникову, из молодых крепостных крестьянок. Девушка явилась настоящим кладом. Она была красива, умна, быстро освоилась в господском доме. К тому же Домна оказалась редкостной певуньей. Она не только знала многие песни, но обладала даром складывать их. Убаюкивая дитя, Домна всегда напевала колыбельные песни:

Спи, мой Вессель,
Сокол ясный,
Баюшки-баю.
Ходит месяц,
Смотрит в окна,
Ты чтоб ни гу-гу.

От песни все и пошло. Николая родные прозвали Весселем, и на мно-

Н.М. Языков.
Фото с акварельного
портрета Е. Эстеррейха.
Дерпт. 1822

гие годы это имя закрепилось за ним.

Зимние месяцы Языковы проводили в Симбирске, а на лето возвращались в родовое имение. Освободившись от домашних учителей, дети играли в бабки, купались, ловили под мельницей пескарей. А то соберутся около деда Архипа Данилыча Кузнеченкова, и слушают его рассказы, как в молодости он «ходил на турку», в Симбирске видел живого «Пугача». Как заведет Данилыч побаску об удалых разбойниках, что в огне не горят и в воде не тонут, в дрожь бросает ребятишек. А начнет повествовать про Иванушку, крестьянского сына, да про Жар-птицу с золотыми перьями, так и хочется встать рядом с Иваном и биться со стоглавым Змеем Горынычем. И до чего разумен дед Архип! Говорит, будто складную книгу читает, так и сыплет шутками да прибаутками.

Данилыч — это короб сказок, зато садовник Яков — настоящий берендей. Дети со страстным желанием ждут позволения ехать с дядькой Яковом в лес. В лесу Яков весь преображается, ведет с лесом разговор, как с живым человеком: «Что ты, ивушка, космы в воду опустила? Аль умыться захотела? Небось, быть дождю скоро. Ишь, роса, как бисером, на траве играет».

Примечают барчуки: трава и впрямь серебристыми капельками унизана. Николай не раз слышал о том, что Якова родители за дорого купили у какого-то помещика.

Крепко дружили господские ре-

бятишки и с лакеем Лаврентием Нестеровым. Был он из дворовых бо-былей — не так уж стар и не то чтобы молод. Имел Лаврентий необыкновенную способность оживлять предметы. Работая только ножом, Лаврентий вырезал из дерева всевозможные чучела самой диковинной формы, придавая им лицеприятные выражения. Его каморка между кухней и господской половиной представляла собой музей деревянной скульптуры, в которой имелось все: от рогатых чертей до весов, вырезанных из одного куска дерева.

По вечерам, когда большим колоком отобьют часы и сторож Пахом с колотушкой уйдет за ворота, в девичьей затевается песня. Грустная, застенчивая и нежная, как тончайшее кружево, она льется из комнаты и витает в синем мареве спустившегося вечера.

Веяли ветры да по полю,
Грянули веслы да по морю,
Пролили слезы да у Анисьюшки,
Пролили горьки да у Максимовны.

Вессель, Дюк и Петр не спят. Лежат в кроватках, слушают. Голос Домны чистый, высокий, ведет задумчиво протяжную мелодию.

С кем мне думу думати,
С кем мне горе, горе мыкати?
Задумчиво грустная песня несет ребята по волнам и погружает их в пучину волшебных звуков и голосов...

Кончилось детство неожиданно. Случилось это в конце лета, в тот самый день, как в Соловьевском овраге сгорела крестьянская баня. Маленький барчук, побывав на пожаре, намазался сажей и в обществе таких же чумазных ребятишек возвращался домой. И надо было такому случиться — на встречу веселой ватаге шел языковский барин, Михаил Петрович. Увидев сына в таком неприглядном виде, помещик опешил, побагровел, тотчас схватил Весселя за руку и повел к усадьбе.

Пока мальчика мыли и переодевали в чистое платье, Языков ходил по кабинету и решал судьбу младшего сына. Когда же Весселя ввели в кабинет отца, тот объявил ему о своем решении: «Ну, брат, хватит тебе здесь валандаться! Отправляйся-ка ты в Петербург да учись вместе с братьями горному делу».

Михаил Сударев